

Дверь открылась.

— Явилась? Ну, заходи.

Мужчина включил свет в прихожей и запер за мной дверь.

— Чего смотришь? Скидывай туфли и проходи!

Я вошла внутрь, с трудом представляя, что меня здесь может ожидать, лучше вести себя так, будто ничего не произошло и не показывать волнения. По условиям договора мне предстояло провести несколько дней в обществе неизвестного человека.

Обстоятельства этого договора так скучны, что нет смысла упоминать их. Имя этого человека — А. Как я успела заметить, А. внешне некрасив, но черты лица — не отталкивающие, движения сдержаны, если не сказать, скованны.

Мысли прервал голос А.:

— Ты будешь делать все, что я прикажу, начнем с простого. Ты останешься у меня на несколько дней. А начнем с твоего нового наряда. Раздевайся-ка!

А. сказал это таким тоном, будто иначе не может быть, я не ожидала такого поворота:

— Что? С ума сошел, я ухожу!

— Если ты собралась изображать непокорную стерву, можешь выкатываться отсюда, ты свободна. Никто не держит.

Свобода в незнакомом городе не влекла меня. Мне нужно было переждать несколько дней.

— Не заставляй себя ждать, — в голосе звучало равнодушие — делай выбор.

Как дать ответ, я не знала, только кивнула, но сомневалась:

— Извини, — поморщилась я, — думаю, такие меры мне вредны.

— Вредны? Нет, тебе пойдет это на пользу. Теперь ты, считай, моя служанка. Или, если хочешь, заложница своего обещания. Ты же гордая девушка, как же ты его нарушишь? — он вдруг сжал руку и заломил за спину, я отдернулась, но А. сразу отпустил меня и толкнул по направлению к комнате. Я вошла — комната была просторной, минимум мебели и порядка. Я стояла в нерешительности, жалкая гостья.

Неожиданно А. достал из ящика стола какой-то предмет — это хлыстик.

— Да, обещания нужно выполнять, впрочем, можешь царапаться сколько хочешь.

А. казалось, не обращал на меня внимания:

— Я прошу, только не нужно + я не могла подобрать слов.

— Мало ли что ты там просишь! — Хлыст опустился на мои плечи. — Не хочешь по-хорошему, отведаешь хлыста!

От удара не было больно, но я инстинктивно сжалась и втянула голову в плечи, мужчина оттолкнул меня и дал пощечину:

— Хватит ломаться, раздевайся. Сначала — рубашку. Раз, два, три!

Путаясь в пуговицах, я расстегнула блузку.

— Во-первых, я для тебя отныне — Хозяин, и ты будешь меня называть только так.

Во-вторых, молчи, когда тебя не спрашивают. И поживее стаскивай рубашку.

Понимая, что борьба за лифт будет более долгой и мучительной, А. его просто срезал ножницами и кинул на пол, рядом с блузкой.

Я стояла с открытой грудью, и очень, конечно, этого смущалась.

Считай, что ты с этим справилась, — он рукой приподнял мне грудь, будто оценивая ее, потом другую. — Симпатичные сиськи.

Не смей сутулиться.

Меня передернуло, что он себе позволяет, попыталась отстраниться от него. А. провел рукоятью хлыста вдоль шеи.

— Снимай цепочку, служанке ни к чему золото. И кольцо снимай

Сумочку я оставила в другой комнате, и едва сдерживая себя, ответила, что хотелось положить их именно туда:

— Стой на месте, твоя сумочка никуда не денется. Освободишься — возьмешь. Я сказал снять побрякушки!

А. и сам мог бы сорвать эту цепочку, но очевидно, ему нужна была покорность. Я сжала руки на груди, в ту же секунду хлыст ударил по незащищенной спине. Интересно что будет, если вырвать это оружие и кинуть, например, ему в лицо, но рискнуть на это не решилась. Про себя я думала, что виновата сама.

— Перестань вертеться! Руки за голову!

Рукоятью хлыста А. поднял мне подбородок.

— Не отворачиваться! Смотреть вперед и вниз! Руки за голову! Я подчинилась. А. сам легко снял цепочку

— Забавный вид у тебя. Снимай штаны, глупая.

— Мне холодно. Я дрожала, меня бросало то в жар, то в холод.

Встав сзади, А. «обнял» за талию с такой силой, что у меня перехватило дыхание, и сжал рукой сосок — это было довольно болезненно.

— Ты забыла, как ко мне обращаться? Я пыталась вывернуться.

— Я спрашиваю, как ко мне надо обращаться?

А продолжал мучить сосок, он уже весь налился от этого.

— Я не знаю, мне больно, отпусти, пожалуйста... как скажете.

— Говори!"Как скажете, Хозяин»

Наконец, он отпустил грудь и, взяв за пояс брюк, потянул их вниз.

— Что, я должен сам с тебя штаны снимать? И вообще, не думай, что все, о чем я мечтаю, — это тебя трахнуть. Давай, оголяйся.

Я стянула джинсы

— Я смотрю, ты не горишь желанием обнажить свою киску. Сними колготки теперь, о трусиках я сам позабочусь, если будешь лениться.

Я все время пыталась закрыть себя, отворачивалась от взгляда, рукой скрывала грудь. Я понимала, что выглядит смешно и глупо, и потому чувствовал себя еще смущеннее. А. пришлось дать мне по рукам, что бы я опустила их и занялась делом.

Стянула колготки и трусы.

— Выпрями спину, перестань сутулиться. Если будешь сжиматься, плеть заставят тебя держаться достойно. — На этот раз удар был болезненным, я взвизгнула.

А. достал наручники. — видимо весь инвентарь хранился поблизости — завел мне руки за спину и сковал их.

— Так тебе больше нравится? — издевательски спросил он. — Теперь твои руки ничего не могут сделать.

Своей рукой А. провел по киске, затем погладил меня по щеке, коснулся пальцами губ, давая

мне облизнуть мой сок. Было заметно, что А. доволен таким послушанием. Неожиданно он сильно надавил мне на плечи — ничего не осталось, как упасть на колени, при этом с трудом мне удалось сохранить равновесие. Я слегка потерлась щекой о его ногу в знак покорности. А ухмыльнулся в ответ, и протиснул ногу между колен, резко раздвинул их. Мне стало неловко за свою слабость. Я поймала себя на мысли, что стесняюсь не своей наготы, меня пугало, что я не нравлюсь своему мучителю.

— Посмотрели бы твои приятели на тебя, недотрогу! Веди себя хорошо, и я подумаю... а то ведь надо же им посмотреть, как ты выполняешь обязательства?

Мне не пришлось долго стоять на коленях, рукоятью А. толкнул в спину и приказал нагнуться, так чтобы лицо коснулась пола.

Ноги оказались прижаты к животу, а руки — зацеплены за спиной.

— Приподними зад.

Я попыталась насколько это было возможным. В таком состоянии я оставалась несколько минут, я закрыла глаза, мне было очень стыдно; между ног я чувствовала прохладу. Хозяин ничего не говорил, он сел в кресло смотрел сверху на мою согнутую фигуру и курил.

— Подымайся!

Я с готовностью встала.

— Я хочу освободиться. Мне нужно знать... я запнулась

— Все твои обращения, которые не сопровождаются словом «Хозяин», я буду игнорировать. Он внимательно посмотрел на меня, играя хлыстом. — Ты хочешь знать пределы допустимого? Хорошо, мы установим лимиты, но позже. А теперь вставай, и пройди по комнате, посмотрю на тебе в костюме Евы, если не считать цепи. На этот раз мне не думалось возражать. Казалось, все самое непреодолимое уже случилось, возражать — это равнозначно остановке на пол пути. Граница преодолена. Обряд свершен. Он шлепнул ладонью по голой попке:

— А ну пошла!